
ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПТА “РЕВОЛЮЦИЯ” В СИСТЕМЕ ИСТОРИСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф. И. ТЮТЧЕВА

КАСАБАБОВА Р. С.

Изучение историко-философской концепции Тютчева немислимо без рассмотрения антиномии, занимающей ключевое место в сложной системе историософских взглядов поэта. Вот как ее формулирует сам Ф. И. Тютчев: “Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества”¹.

Сложность рассмотрения содержания понятия “Революция” в контексте историософии Тютчева сопряжена и с философской насыщенностью данного понятия (уникальная способность великого мыслителя усматривать в каждом социальном явлении его причинно-следственную связь и глубокую смысловую наполненность была точно подмечена богословом и историком, протоиереем Г. Флоровским: “Великий тайнозритель природы, Тютчев и в истории оставался прозорливцем. Политические события были для него тайными знаками, символами подспудных процессов в глубинах. По ним он разгадывал последние тайны исторической судьбы...”²), и с тем, что антитеза “Россия и Революция”, в свое время уверенно выдвинутая самим автором, вызывала и по сей день продолжает вызывать у исследователей творческого наследия Тютчева самые многочисленные споры.

Тема революции – центральная тема статьи Ф. Тютчева “Россия и Революция”, которую в 1849 г. в Париже без ведома автора опубликовал французский дипломат и публицист, бывший посланник в Мюнхене Поль де Бургуэн. С *революционной* проблематикой тесно сопряжена также другая статья Тютчева – “Римский вопрос” (впервые была напечатана в 1850 г. в одном из

---

¹ Тютчев Ф. И. *Россия и Революция* (Здесь и далее в статье цитаты из Тютчева приводятся по изд.: Тютчев Ф. И. *Полн. собр. соч. и писем в 6 т.*), т. 3, М., 2003, с. 144.

² Флоровский Г. *Тютчев и Владимир Соловьев* (*Таинник Ночи. Зарубежная Россия и Тютчев*, М., 2008, с. 129).

самых популярных европейских журналов “*Revue des Deux Mondes*”)³. К теме революции Тютчев обращается в своей переписке 1848-1851 гг. и в набросках незавершенного трактата “Россия и Запад” (1848-1849 гг.), поскольку обе вышеуказанные статьи рассматривались им в качестве отдельных глав трактата.

Интерес поэта в эти годы к проблеме революции вполне объясним. С одной стороны, он обусловлен злободневностью и актуальностью темы, с другой – той огромной значимостью, которую имели для Тютчева революционные волнения, захлестнувшие в 1848-1849 гг. практически всю Западную Европу.

Сообщения о “февральском взрыве” 1848 года чрезвычайно потрясли и взволновали Ф. Тютчева⁴. Он уверен: вспышка революции на Западе несет с собой угрозу неминуемого смятения для всего человечества. На своем пути революция уничтожит все: власть, духовность, культуру, нравственность; обезличит и погубит народы, развяжет кровавые войны. В письме к брату Эрнестине Тютчевой, немецкому публицисту К. Пфеффелю (март 1848 г.) поэт уподобляет революцию затяжной и неизбежно смертельной болезни: “Революция, последнее слово ложной в своих основах цивилизации, которую нам хотелось считать *болезнью роста*, является на самом деле *раковой опухолью*”⁵.

Аналогичное ощущение опасности, несущейся с Запада, испытывал Н. В. Гоголь, с тревогой писавший о нарастающем массо-

---

³ Статьи “Россия и Революция”, “Римский вопрос” стали самыми сенсационными статьями Ф. Тютчева, вызвавшими своей проблематикой оживленный и длительный интерес на Западе и в России. Подробнее об истории публикации этих статей и многочисленных откликах на них западных и российских публицистов см.: Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов (*Литературное наследство*, т. 97. Федор Иванович Тютчев, кн. 1, М., 1988, с. 233-247; Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. Комментарии к т. 3, с. 312-319, с. 351-371).

⁴ Вот как об этом пишет И. С. Аксаков: “Революционное пламя быстро охватило всю Западную Европу; будто вихрем снесло тот политический распорядок, в котором жила и двигалась Европа после 1812 года, под опекой Священного Союза; рев пожара, клики мятущихся, гам восторгов и проклятий, – все это вскоре слилось в один общий гул вражды, ненависти, злобы к России, неистовой хулы и угроз. <...> Февральский мятеж сильно возбудил и подвиг все нравственное существо Тютчева, и как поэта, и как мыслителя, и как Русского, постоянно созерцавшего в своих думах будущие судьбы России; но он не удивил его, не изменил его взглядов и мнений, а напротив, явился для него новым свидетельством, новым подтверждением в пользу его выводов и гаданий” (Аксаков И. С. *Биография Федора Ивановича Тютчева*, М., 1886, с. 133-134).

⁵ Тютчев Ф. И. Письмо К. Пфеффелю от 15/27 марта 1848 г. (*Полн. собр. соч.*, т. 4, с. 442).

вом беспокойствию в своей книге “Выбранные места из переписки с друзьями”: “В Европе завариваются теперь повсюду такие сумятицы, что не поможет никакое человеческое средство, когда они вскроются, и перед ними будет ничтожная вещь те страхи, которые вам видятся теперь в России”⁶.

Ф. Тютчев подходит к рассмотрению революции в привычной ему методологической манере: с учетом всего исторического *контекста и подтекста* этого явления. То, что причины революции глубоки, а последствия глобальны и катастрофичны, не вызывает у Тютчева сомнений. Революция для Тютчева – не просто случайный социальный взрыв, не народный бунт против власти и ее несправедливостей. За внешней оболочкой поэт легко прозревает метафизическую сущность этого явления: “Революция не только враг из крови и плоти. Она более чем Принцип. Это Дух, Разум...”⁷.

Основная сила революции, по Тютчеву, – эгоизм, власть собственных желаний, отказ от любой формы подчинения и безграничная свобода собственной воли. Словом, революция, как пишет поэт в письме к П. Вяземскому, – это “не что иное, как сознательное и рациональное отрицание уже не только такой или другой власти, но самого принципа власти между людьми”⁸.

В письмах к К. Пфеффелю (1848 г.) и П. Вяземскому (1850 г.) Ф. Тютчев называет революцию “*последним словом цивилизации*”, имея в виду западную цивилизацию, поскольку, по его мнению, чрезмерное развитие рационализма и индивидуализма на Западе привело к зарождению идеи революции: “... эта доктрина, отрицающая абсолютно самый принцип власти, не какая-нибудь доктрина частная, отдельная, случайная, произвольная, а последнее слово, крайний термин того долгого умственного развития, которое принято называть Современною Цивилизацией”⁹.

Со сказанным в этих письмах непосредственно корреспондируют выводы, сделанные Тютчевым в статье “Россия и Революция” (1848 г.): “Человеческое я, желающее зависеть лишь от самого себя, не признающее и не принимающее другого закона, кроме собственного волеизъявления, одним словом, человеческое я, заменяющее собой Бога, конечно же, не является чем-то

---

⁶ Гоголь Н. В. *Выбранные места из переписки с друзьями. Страхи и ужасы России* (Гоголь Н. В. *Собр. соч. в 7 т., т. 6, М., 1986, с. 296*).

⁷ Тютчев Ф. И. *Россия и Запад* (Полн. собр. соч., т. 3, с. 183).

⁸ Тютчев Ф. И. *Письмо П. А. Вяземскому* (март 1850 г.) (там же, т. 5, с. 16).

⁹ Там же, с. 17.

новым среди людей; новым становится самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право и стремящееся с его помощью овладеть обществом. Это новшество и получило в 1789 году имя Французской революции”¹⁰.

Революция для Тютчева – закономерный результат деградации западного общества, оскудения его духовности и нравственности. В Великой французской революции и всех остальных европейских революционных потрясениях он видит стремление к мировому захвату и присвоению, которое, по мнению поэта, опаснее всего, ибо в основе революции – человеческий эгоцентризм, ведущий к уничтожению прежде всего морально-нравственных и духовных ценностей. Г. Флоровский, анализируя позицию Тютчева по отношению к революции, подчеркивает: “Революция есть антихристианство, – определял Тютчев, – и в этом источник ее власти или мощи в мире. Противохристианский дух есть душа Революции, в этом ее основной отличительный признак”¹¹.

Называя и в статьях, и в письмах революцию извращенной формой “самовластия человеческого я”, Тютчев последовательно раскрывает причины, породившие безумную заразу века. Первая из них – это оскудение веры или, как точно формулирует исследователь творчества Тютчева Б. Н. Тарасов, “удаление человека от Бога”¹². “Дехристианизация” западноевропейского общества, безмерная гордыня ума, потеря нравственных и моральных ценностей, разнузданность собственной, не ограниченной ничем воли – вот еще ряд причин, приведших Европу к революции. Она же в итоге и отдана во власть революции, ибо не имеет более опор для противостояния ей.

Итак, главным “запускным механизмом” революции, сообщаящим ей силу и развитие, стало безверие, проявившееся на Западе в многовековом самовольном неподчинении человека Божьим законам и их отрицании. Поэт напрямую указывает на то, что кризис, наступивший в Европе, – лишь итоговая фаза процесса, начавшегося давно. Его вызревание происходило параллельно процессу своего рода “эмансипации”¹³ западного обще-

¹⁰ Тютчев Ф. И. *Россия и Революция* (там же, т. 3, с. 145).

¹¹ Флоровский Г., указ. соч., с. 129.

¹² Тарасов Б. Н. *Историософия Ф. И. Тютчева в современном контексте*, М., 2006, с. 21.

¹³ Приведем цитату из трактата Ф. Тютчева “Россия и Запад”: “... вот уже на протяжении многих и многих поколений мы видим, как все вы, люди Запада, – народы и правительства, богатые и бедные, ученые и невежды, философы и светские люди, – все вы вместе читаете в одной и той же книге, в книге эмансипированного (курсив наш – К. Р.) человеческого разума, и вот в феврале 1848 года некоторых из вас, самых нетерпеливых и авантюрных, посетила внезапная фантазия перевернуть последнюю

ства от духовности и морали. В итоге вся Западная Европа, растеряв религиозность и заменив духовное плотским и материальным, оказалась переориентированной на чисто рациональный образ жизни. Вот как пишет о содержании тютчевского понятия “самовластие человеческого я” Б. Н. Тарасов: “Он (Тютчев – К. Р.) рассматривает “самовластие человеческого я” в предельно широком и глубоком контексте как богоотступничество, развитие и утверждение антично-возрожденческого принципа “человек есть мера всех вещей”, превращающегося в дальнейшей эволюции в принцип “я есть мера всех вещей”¹⁴. Революция же, по Тютчеву, – “это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова”¹⁵.

Таким образом, революционный кризис Европы 1848-49 гг. Тютчев считал вполне закономерным и ожидаемым результатом цивилизационного развития Запада и в какой-то мере *наказанием* за безграничное преклонение перед человеческой личностью.

Подробнее свой взгляд на истинные причины зарождения революции Тютчев развивает в статье “Римский вопрос” (первоначально озаглавленной “Папство и Римский вопрос”), которую И. С. Аксаков считал “самой замечательной и блестящей по изложению”¹⁶ статьей Тютчева.

По мнению поэта, революционная катастрофа Европы 1848-1849 гг. – последнее звено в длинной цепи событий, начало которым было положено не в XIX и даже не в XVIII вв. Точкой отсчета, по Тютчеву, является 1054-ый год, когда произошло официальное разделение христианской церкви на католическую и православную.

Основные принципы революционной доктрины Тютчев связывает с догматами католической религии. Тютчевское обоснование этой преемственной связи революции и католицизма строится на следующих параллелях: то же самое возвеличивание

страницу этой книги и прочесть уже известное вам страшное откровение (имеется в виду Февральская революция 1848 г. – К. Р.)...” (Тютчев. Ф. И. Россия и Запад (Полн. собр. соч., с. 182).

¹⁴ Тарасов Б. Н., указ. соч., с. 21.

¹⁵ Тютчев Ф. И. Россия и Запад (Полн. собр. соч., т. 3, с. 180).

¹⁶ Аксаков И. С., указ. соч., с. 149.

папством “человеческого я”, подмена духовных ценностей политическими интересами. Секуляризация церкви, ее постоянная причастность к политическим дрязгам со временем уничтожили христианское начало в католицизме, превратили Церковь в слишком “мирской”, скорее политический, чем духовный институт. Приведем цитату из статьи Тютчева “Римский вопрос”: “В течение веков Церковь на Западе, под покровительством Рима, почти совсем растеряла предписанный ей изначально законом характер. Среди великого человеческого сообщества она перестала быть обществом верных, свободно соединившихся в духе и истине под Христовым законом. Она стала учреждением, политической силой – Государством в Государстве”¹⁷.

Истоки революции Тютчев видит в отпадении католицизма от Вселенской Церкви и его стремлении к светской власти. Эта мысль является одной из ключевых в историософской концепции поэта. Отделившись от Вселенской Церкви, католицизм возвел в абсолют собственные интересы, маскируя их под христианские догмы, и отказался от идеи, заключенной в словах Иисуса Христа, обращенных к Понтию Пилату: “Царство Мое не от мира сего (Иоанн 18, 36)”¹⁸.

С выводами Ф. И. Тютчева касательно Западной церкви абсолютно согласен религиозный философ-славянофил А. С. Хомяков. В 1853 г. в Париже он публикует возражение на книгу ярого оппонента Ф. Тютчева, католического публициста П. С. Лоранси “*La Papauté. Réponse à M. Tutcheff, conseiller de S.M. l'Empereur de Russie*” (“Папство. Ответ Г. (так в тексте – К. Р.) Тютчеву, советнику Е. В. Императора России”), в которой автор развивал следующую идею: отнюдь не на Западе, а именно в царской России духовная власть во всех смыслах подчинена светской. Опровергая обвинения француза в своей брошюре “*Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie*” (“Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу брошюры г. Лоранси”), Хомяков как бы развертывает четкие, но сжатые выводы Тютчева и поясняет их, а также подробно аргументирует причинно-следственную связь современного западного безверия с отпадением католицизма от Вселенской Церкви: “Государство от мира сего заняло место христианской Церкви, – пишет

¹⁷ Тютчев Ф. И. *Римский вопрос* (Полн. собр. соч., т. 3, с. 163).

¹⁸ Тарасов Б. Н., *указ. соч.*, с. 60.

Хомяков. – Единый живой закон единения в Боге вытеснен был частными законами, носящими на себе отпечаток утилитаризма и юридических отношений. Рационализм развился в форме властительских определений; он изобрел чистилище, чтоб объяснять молитвы за усопших; установил между Богом и человеком баланс обязанностей и заслуг, начал прикидывать на весы грехи и молитвы, проступки и искупительные подвиги <...>, словом, он перенес в святилище веры полный механизм банкирского дома. <...> Вдохновенная Богом Церковь для западного христианина сделалась чем-то внешним, каким-то прорицательным авторитетом, авторитетом как бы вещественным: она обратила человека себе в раба и, вследствие этого, нажила себе в нем судью”¹⁹.

По мнению А. С. Хомякова, рационализм, открыто угрожающий теперь роковыми последствиями для всей Западной Европы, в том числе католической Церкви, есть результат “рационалистического своеволия”, проявленного самой Церковью и привнесенного ею же в церковную жизнь.

Так же считает Ф. Тютчев. Ради сохранения светской власти Западная церковь пошла на самый подлый шаг: исказила христианскую религию и поменяла местами божественные и человеческие права. Она изменила первичные христианские догматы и каноны, наделила Папу не только духовной, но и политической властью, в результате чего власть первосвященника оказалась даже выше авторитета самой церкви. Замена божественного культа культом человеческой личности естественным образом привела к отступничеству человека от веры и торжеству эгоизма. Вот последовательная схема этого процесса, ставшего для Запада роковым: Реформация – Протестантизм – Атеизм – Революция (“Три столетия назад Рим вверг половину Европы в ересь, а ересь ввергла ее в безверие”²⁰).

Избранный Западной Церковью в 1054 г. путь самоволия в итоге завершился отрицанием западным обществом всякой власти как таковой, в том числе и духовной. Наглядный пример подобного отрицания власти – революционные восстания итальянского народа против Ватикана и отказ от подчинения папской власти в 1848-49 гг. В результате этих событий либеральный

---

¹⁹ Хомяков А. С. *Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу брошюры г. Лоранси* (Хомяков Алексей Степанович, М., 2007, с. 266).

²⁰ Тютчев Ф. И. *Записка* (Полн. собр. соч., т. 3, с. 131).

римский папа Пий IX, активно ратовавший за секуляризацию, был вынужден бежать из республиканского Рима.

Здесь необходимо сделать одну важную оговорку: всю ответственность за последовательное искажение веры в католицизме и порождение антихристианских явлений, самым опасным из которых стала революция, Тютчев возлагает на папство, наказываемое теперь Провидением за свое неумное стремление к обладанию властью: “Если бы Папа оставался только священником, то есть если бы Папство хранило верность своему происхождению, Революция не сумела бы подчинить его себе, поскольку преследования еще не являются овладением. Однако Папство отождествило себя с преходящим и гибельным элементом, делающим его теперь доступным для ударов Революции. Вот тот залог, который римское Папство много веков назад авансом выдало Революции”²¹.

В то же время делать вывод об абсолютном неприятии Тютчевым католической конфессии нам представляется неверным. Скорее следует говорить о четком разграничении им сугубо католического (т. е. христианского) элемента и порочного папского элемента: “<...> в среде католичества есть два начала, из которых, в данную минуту, одно задушило другое: христианское и папское,— разъясняет Тютчев свою позицию в письме к И. С. Аксакову,— ... христианск<ому> началу в католицизме, если ему удастся ожить, Россия и весь православный мир не только не враждебны, но вполне сочувственны, между тем как с папством раз навсегда, основываясь на тысячелетнем и трехсотлетнем опыте, нет никакой возможности ни для сделки, ни для мира, ни даже для перемирия”²².

Вместе с тем, несмотря на всю греховность папства, Тютчев осознает тот факт, что только оно в данный момент остается на Западе единственным “... в своем роде столпом, худо-бедно подпирающим на Западе ту часть христианского здания, которая уцелела и устояла после великого разрушения шестнадцатого века и последовавших затем крушений”²³. Полная секуляризация папства на Западе, по мнению Тютчева, станет своего рода капитуляцией Церкви перед революцией и констатирует факт абсолютного торжества антихристианства.

---

²¹ Тютчев Ф. И. *Римский вопрос* (там же, с. 167).

²² Тютчев Ф. И. *Письмо И. С. Аксакову от 29 сентября 1868 г.* (там же, т. 6, с. 352).

²³ Тютчев Ф. И. *Римский вопрос* (там же, т. 3, с. 159).

Лучшее решение “Римского вопроса”, являющегося по сути своей корнем не только церковно-государственных противоречий, но и всех остальных – политических, социальных – проблем Западной Европы, Тютчев видит в объединении православной и католической церкви. Возвращение Западной Церкви в лоно Вселенской может произойти при условии, если первая сумеет возродить в себе еще не до конца угасшее христианское начало: “Православная Церковь никогда не теряла надежды на такое исцеление. Она ждет его, рассчитывает на него – не только с верой, но и с уверенностью. Как *Единому* по своему началу и *Единому* в Вечности не восторжествовать над разъединением во времени? Вопреки многовековому разделению и всем человеческим предубеждениям она всегда признавала, что христианское начало никогда не погибало в римской Церкви и что оно в ней всегда сильнее людских заблуждений и страстей. Поэтому она глубоко убеждена, что христианское начало окажется сильнее всех его врагов”²⁴.

Тютчев подчеркивает: “Вселенская Церковь Одна”²⁵, а традиционное разделение церкви на православную и католическую – разделение чисто формальное. Существование двух церквей противоречит Слову и Воле Божьим, ибо не может делиться либо различаться Единая Вселенская Церковь, утвержденная на земле Иисусом Христом. Здесь поэт фактически повторяет основной постулат богословского сочинения А. С. Хомякова “Церковь Одна”: “Церковь называется *единою, святою, соборною* (католическою и вселенскою), *апостольскою*, потому что она едина и свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святятся все человечество и вся земля, а не один какой-нибудь народ или одна страна; потому что сущность ее состоит в согласии и в единстве духа и жизни всех ее членов, по всей земле, признающих ее; потому, наконец, что в Писании и учении апостольском содержится вся полнота ее веры, ее упований и ее любви”²⁶.

---

²⁴ Там же, с. 177.

²⁵ “Догматические различия, отделяющие Рим от православной Церкви, известны всем. С точки зрения человеческого разума эти различия, вполне обосновывая разделение, не объясняют в достаточной степени образовавшейся пропасти – не между двумя Церквями, ибо Вселенская Церковь Одна (курсив наш – К. Р.), но между двумя мирами, между двумя, так сказать, человечествами, пошедшими под двумя разными знаменами” (там же, с. 161).

²⁶ Хомяков А. С. *Церковь Одна* (указ. соч., с. 236).

Отметим, что в своих надеждах на объединение Церквей Тютчев не питал избыточных иллюзий. После объявления Пием IX решения созвать в Ватикане Вселенский Собор для принятия догмата о “непогрешимости папы” Тютчев 29 сентября 1868 г. писал И. С. Аксакову: “... можно было бы заявить впервые от лица всего православного мира о роковом значении предстоящего в Риме мнимовселенского собора, о возлагаемой на нас, Россию, в совокупности со всем православным Востоком, неизбежной, настоятельной обязанности протеста и противудействия, а за-сим – трезво и умеренно предъявить о вероятной необходимости созвания в Киеве, в отпор Риму, православного Вселенского собора.

Не следует смущаться, на первых порах, тупоумным равнодушием окружающей нас среды... Они, пожалуй, не захотят даже понять нашего слова. Но скоро, очень скоро обстоятельства заставят их понять. Главное, чтобы слово, сознательное слово было сказано. Рим, в своей борьбе с неверием, явится с *подложною доверенностию* от имени Вселенской церкви. Наше право, наша обязанность – протестовать противу *подлога* и т.д.”²⁷.

История Запада, по мысли Тютчева, – это история развития общества, прогнившего от корня и устроенного на псевдохристианских основах. Эта западная традиция искажения, подмены, фальсификации в конечном счете была полностью перенята и доведена до своего апогея революцией. Декларативно провозгласив своей главной целью борьбу против власти, на деле революция сама стремится к мировому господству. Для осуществления своих претензий революция пошла по проторенному пути: присвоила себе христианские лозунги (самый ключевой из них: братство), которые, однако, под ее знаменами получили совершенно иную – далеко не христианскую – трактовку: “дух смирения и самоотвержения, составляющий основу христианства, она стремится заменить духом гордости и превозношения, свободное добровольное милосердие – принудительной благотворительностью, а взамен проповедуемого и принимаемого во имя Бога братства пытается установить братство, навязанное страхом перед господином народом. За исключением отмеченных различий, ее господство на самом деле обещает стать Царством Христа”²⁸.

---

²⁷ Тютчев Ф. И. Письмо И. С. Аксакову от 29 сентября 1868 г. (Полн. собр. соч., т. 6, с. 354-355).

²⁸ Тютчев Ф. И. Россия и Революция (там же, т. 3, с. 145).

Антихристианству, составляющему “душу” революции, согласно тютчевской формуле, может противостоять только истинное христианство. А внешним социальным буйствам и бесчинствам революции – только самая стойкая политическая сила. То есть противостоять революции в итоге сможет лишь такое государство, чья монархическая власть прежде всего зиждется на незамутненной христианской вере. Так в тютчевской логике возникает антитеза революции и России.

В 1848 г. Тютчев создает стихотворение “Море и утес”, в котором в образе неистово ревущих волн предстает революция, а незыблемый утес олицетворяет Россию:

*И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свищет, и ревет,
И до звезд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?
<...>
Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой, –
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!²⁹*

Россия мыслится поэтом как грозное препятствие на пути продвижения революции прежде всего вот по какой причине: в противовес гибнущему от своего неверия и своеволия Западу, она сохранила в себе истинное религиозное начало, не подверженное революционному языческому разложению. То есть имперская незыблемость русского государства и иммунитет русского общества к революции, по убеждению Тютчева, заключены в их *православности*.

Как истинно христианская империя Россия становится самым главным “врагом” революции: “...Революция, являющаяся для За-

²⁹ Тютчев Ф. И. *Море и утес* (Тютчев Ф. И. *Лирика*, в 2 т., т. 1, М., 1965, с. 103).

пада болезнью, подтачивающей его изнутри, по отношению к России представляет собой материального и вполне осязаемого врага, угрожающего не только ее душе, но и самому ее существованию, который, говоря одним словом, хочет ее разрушения, как хотел этого в свое время великий Наполеон. И в этом Революция совершенно последовательна, она прекрасно усвоила, что между нею и нами идет бой не на жизнь, а на смерть"³⁰.

Подобно славянофилам, в православной империи Тютчев видит спасительный оплот для всего человечества, поскольку ей как залог было вручено святое наследство Вселенской Церкви, потому поэт и выражает надежду на то, что "у России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрашится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием"³¹.

Самостоятельно Западу справиться с кризисом не суждено. Его политическая неспособность к этому со всей полнотой проявилась в событиях 1848-49 гг. Свое бессилие в свете последних событий также доказала католическая церковь. В отличие от нее православная церковь, а вместе с ней русский народ могут противопоставить озлобленному эгоцентризму революции неискаженную религию, заложенную в основах русского национального бытия: "...нигде, кроме как в России, не встретишь христианства столь коренного, христианства столь непосредственного, христиан, которые не воспитываются, а сами рождаются"³².

Тютчев воспринимает русское христианство и русский народ только как неразделимые понятия. В этой цельности, по мнению Тютчева, как раз и кроется одна из причин русской особенности: "У нас Церковь не просто сделалась национальной в обычном значении этого слова, как наблюдалось в других краях, а стала сущностной формой, высшим выражением определенной народности, целого племени, целого мира"³³.

Революция, по логике Тютчева, угрожает "душе" России: в своем незавершенном трактате "Россия и Запад" Тютчев назовет "душой и телом" Восточной империи православную церковь и славянство. На опасность заражения революцией славянских

---

³⁰ Тютчев Ф. И. Письмо К. Пфеллю от 15/27 марта 1848 г. (Полн. собр. соч., т. 4, с. 442).

³¹ Тютчев Ф. И. Россия и Революция (там же, т. 3, с. 157).

³² Тютчев Ф. И. Письмо Е. Ф. Тютчевой от 23 октября 1863 г. (там же, т. 6, с. 50).

³³ Тютчев Ф. И. Записка (там же, т. 3, с. 137).

племен, как на самое большое зло, указывает Тютчев в письме к Л. Тенгоборгскому (1849): "...каким бы кратким ни был этот период разложения (имеется в виду разложение Запада – К. Р.), он будет все-таки достаточно продолжительным, чтобы посеять огромное зло: заразить революцией славянские племена... И в этом, повторяю, огромное зло, более того, огромная опасность непосредственно для России"³⁴.

Противостояние России и революции есть столкновение двух враждебных друг другу явлений: антихристианского безвластия и христианской державы. Залогом предотвращения в России кризиса, постигшего Запад, является нерасторжимая общность Российской империи со славянскими народами и их объединение под знаком истинной веры.

Противопоставление России и революции, а если пойти дальше и глубже – противопоставление России и Запада в тютчевской концепции коренится в существенном противопоставлении двух цивилизационных основ и двух церквей друг другу: католической и православной. Краеугольной мыслью в этом случае становится признание и выдвижение на первый план обособленного статуса православной церкви, лишь в себе одной сохранившей чистоту религии. Именно с позиции осознания этого факта Ф. И. Тютчевым трактуется понимание и ход истории России и ее привилегированность в мировой политической игре.

«ՀԵՂԱՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆ» ՀԱՄԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆԸ Ֆ. Ի. ՏՅՈՒՏՉԵՎԻ ՊԱՏՄԱՓԻԼԻՍՈՓԱՅԱԿԱՆ ՀԱՅԱՅՔՆԵՐԻ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ

ԿԱՍԱԲԱԲՈՎԱ Ռ. Ս.

Ամփոփում

«Հեղափոխություն» հասկացությունն առանցքային տեղ է գրավում Ֆ. Տյուտչևի պատմափիլիսոփայական հայացքների համակարգում և ընկալվում է երկու հայեցակետով՝ քաղաքական- սոցիալական և պատմակրոնական: Իր հրապարակախոսության մեջ և նամակներում անդրադառնալով 1848-1849 թթ. ողջ Եվրոպան փոթորկած հեղափոխության թեմային՝ Տյուտչևը հանգում է այն եզրակացությանը, որ ամեն մի հեղափոխական ցնցման հիմքում ընկած են էսամոլությունն ու իշխանության տենչը: Պոետը հեղափոխությունն անվանում է «մարդկային ես-ի ինքնիշխանության» ձև, իսկ դրա ի հայտ գալու պատճառ է համարում արևմտյան հասարակության հոգևոր անկումն ու հավատի պակասը: Հեղափոխության ակունքները պոետը տեսնում է Ընդհանրական տիեզերական եկեղեցուց

³⁴ Тютчев Ф. И. Письмо Л. В. Тенгоборгскому от 3 декабря 1849 г. (там же, т. 4, с. 449).

կաթոլիկության առանձնանալու, դրա՝ աշխարհիկ իշխանությանը ձգտելու մեջ, հանուն որի կաթոլիկները նույնիսկ աղճատեցին քրիստոնեության հիմնական սկզբունքները: Արևմտյան եկեղեցու նահանջը ճշմարիտ հավատից հասարակությանը հասցրեց եսամոլության, ինքնակամության և որևէ իշխանության, այդ թվում և հոգևոր իշխանության ժխտման հաղթանակին: Տյուտչևը հեղափոխության հակաքրիստոնեական սկզբունքներին հակադրում է ճշմարիտ հավատը՝ խարսխված ռուս ուղղափառ կայսրության և ռուսական ազգային կեցության հի մքերի վրա: Այսպիսով, տյուտչևյան տրամաբանության մեջ երևան է գալիս հեղափոխության և Ռուսաստանի հակամարտության գաղափարը: Ըստ Տյուտչևի՝ Ռուսաստանն ունակ է դառնալու փրկության պատվար ողջ մարդկության համար: